

Стратегический очерк войны 1914-1918 гг.

Часть 7

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С83

С83 Стратегический очерк войны 1914-1918 гг.: Часть 7 / – М.: Книга по Требованию, 2018. – 205 с.

ISBN 978-5-458-24943-0

Стратегический очерк по исследованию Первой мировой войны, подготовленный для обучения красноармейских офицеров. Содержит документы, раскрывающие сущность действий сторон во время конфликта, с кратким поясняющим анализом. В очерке представлена попытка вывести и сформулировать уроки, данные новой войной, по ещё горячему следам, что сказывается на объеме доступной информации. Книга лишена идеологии и использует объективный научный метод.

ISBN 978-5-458-24943-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

если ваше исследование будет диалектично, объективно, научно и исторично. Бесспорно марксистский метод сочетает в себе все эти условия. Это наиболее объективный и научный метод каким располагает ныне человеческое общество в области социально-экономических знаний.

„Душу марксизма составляет его метод“, говорит Плеханов в женевском предисловии 1905 г. к I-му тому своих сочинений.

Глубоко прав Франц Меринг, когда он в своей брошюре „Милиция и постоянное войско“ утверждает, что „в военном вопросе более чем в каком-либо другом необходима интенсивнейшая пропаганда наших принципиальных воззрений. В этой области надо устранить колоссальное недоразумение и неясность. Чрезвычайно показательно и весьма нелестно для нас, что классические произведения нашей партийной литературы о войне, работы Энгельса и Бюкли, относятся к наименее распространенным их произведениям“. Не во имя коммунистического ригоризма или партийного сектанства мы пропитываем и насыщаем марксистским мировоззрением всю науку в Советской России, но ради объективной научности, с целью окончательно разорвать оковы сословного тупоумия, религиозных предрассудков, подхалимства господствовавшим классам, каким была насыщена вся наука.

Знание не ради и не во имя господства одного класса общества над другим, а во имя господства всего, освобожденного от каких бы то ни было классовых группировок, человечества над силами природы, над стихиями вселенной— вот к чему ведет коммунизм.

Да простит меня читатель за некоторое отвлечение в сторону, но оно было неизбежно поскольку мне в предисловии приходится коснуться политической оценки, даваемой Зайончковским развернувшимся событиям в февральской революции.

Его политический анализ страдает крайним субъективизмом, отсутствием историчности и полным игнорированием необходимости изучать всякое явление в процессе развития и движения т. е. диалектически.

Такой анализ, конечно, не научен и ценность его минимальна. Беда-то именно и заключается в том, что политические события он не мог продумать марксистски, иначе говоря, не мог дать им объективно научного освещения. На развращающиеся события он смотрит глазами профессионала войны—попавшего в какой-то стихийный водоворот, выбитого из своей колеи, горячего патриота армии, ненавидящего больше и мечтающего о войне до победного конца. И вдруг революция.

Конечно для него она является непонятым (космическим) явлением.

Причину развала царской армии А. М. Зайончковский видит в..... неумелой политике военного и морского министра Временного Правительства А. Гучкова, обнаружившего „полное непонимание сути военного дела, соединенного к тому же с большим самомнением и решительностью“.

Слишком много чести для Гучкова. Не будь его развал царской армии шел бы своим чередом. Процесс разложения ее был органически связан с ростом и укреплением февральской революции. Армия в те дни была ратным полем, на котором впервые пролетариат России после 1905 года открыто вступил в борьбу с классами капиталистов и помещиков.

Продолжение империалистской войны было в интересах последних, ликвидация ее—в интересах первых. Для этого капиталистам надо было укрепить боеспособность армии, сохранить дисциплину в ней; нам же—разложить ее, распустить по домам.

Царская армия в марте—мае 17 г. была тем чутким барометром, который наиболее точно и верно определял движущие силы революции и степень их организованности. Антагонизм солдатской массы к офицерству разве не является отражением разворачивающейся классовой войны между пролетариатом и капиталистическим обществом.

Временному Правительству противопоставляется Советская Власть, наступлению—братание, войне—мир.

Значение и роль Советов в февральской революции Зайончковским переоценивается. Нерешительной дряблой политике Временного Правительства он противопоставляет сплоченность, организованность и решительность в действиях Советов. Это не так.

Советы того периода; руководимые меньшевиками и эсерами, были скорее громоотводом для революционных сил, нежели его проводниками.

Весьма ценно приводимое автором признание А. И. Гучкова в письме к начальнику Штаба Главковерха Алексееву от 9 марта 1917 года, что „можно прямо сказать, что Временное Правительство существует лишь пока это допускается Советом рабочих и солдатских депутатов“.

Советы солдатских и рабочих депутатов для Гучкова были сами организованные революционные массы и уже 9 марта, т. е. дней десять спустя после революции, он, как один из самых вдумчивых буржуазных политиков, предвидел ту роль, какую им придется играть по отношению к Временному Правительству. Не Советы вели восставшие массы за собой, а, наоборот, последние непрерывно толкали их на путь более решительной и непримиримой борьбы с Временным Правительством.

Не даром генерал Данилов на совещании Главнокомандующих от 1 мая 1917 г. в Могилеве на Днестре (см. прилож. № 6) говорил, что „если стать на платформу меньшевиков (т. е. поддержать официальную линию, проводимую совдепами, где преобладали меньшевики—Р. П.) и повести деятельную пропаганду в армии, то мы бы имели успех“ (речь идет о наступлении).

Генерал Аверьянов, соглашаясь с Даниловым, на том же совещании говорил, что „с лицами из совета рабочих и солдатских депутатов сговориться можно, что показал пример посещения его некоторыми известными членами исполнительного комитета, где за чаем открыл им положение вещей“. Какая ирония судьбы.

Царские генералы ищут альянса с совдепами и в знак отсутствия идейных расхождений принимают платформу меньшевиков.

Вполне верно определил положение Советов на том же совещании генерал Гурко. „Советы также не имеют реальной власти и прислушиваются к велению черни“ (т. е. по нашему пролетариата—Р. П.), говорит он. Этого не понимает автор и роль Советов февральской революции сводится у него к руководящей в то время, когда их движение вперед в лучшем случае было лишь бегом на месте.

За недостатком времени и места невозможно перечислить все недостатки и дефекты в анализе автором политической обстановки. Братание, июньское наступление, Корниловский мятеж, Кронштадтская республика и т. д. все это у Зайончковского освещается без какого бы то ни было экономического и классового анализа борющихся сил в революции и трактуется как исторически случайная политика тех или иных вождей.

Подобный субъективизм весьма вреден для научного исследования, ибо не дает верной точки зрения в понимании исследуемых событий.

И все же, несмотря на все вышеперечисленные недостатки стратегического очерка, мы должны быть признательны автору за его искреннюю попытку, хотя как он сознается и „невольную“, стратегию связать с политикой. Пора и в первую очередь нашим военным профессорам и преподавателям высших военных заведений.

Ценность работы заключается в том, что тщательным изучением архивных материалов автору удалось восстановить фактическую сторону событий на фронте в период с февраля по октябрь 1917 года и тем дать возможность будущему историку этого периода использовать указанный материал.

Подводя итоги своей работы профессор Зайончковский вопрошает. „Можно ли сделать оценку кампании 1917 года в стратегическом отношении. Я думаю, что нет“.

Верно, если под стратегическим очерком понимать то, что нам приподносилось десятки лет в военно-исторической и теоретической литературе. Совершенно не верно, если помнить, что стратегия—это не только „война двух регулярных армий, двух равных сторон“, но и политика военного дела.

Хороший стратег должен быть серьезным экономистом и вдумчивым политиком.

Этих же качеств мы должны требовать от теоретиков и историков военного дела.

Р. Пикель.

26 апреля 1923 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Предлагаемая VII-я часть Стратегического очерка составляет окончание Общего Стратегического Обзора мировой войны на русском фронте, чем и определяется программа, размеры и характер моей работы. Многое мною исключено из этого труда уже после его составления, почему в некоторых местах изложение носит незаконченный характер.

А. Зайончковский.

ГЛАВА I.

Подготовка к кампании 1917 г. Перемены в Ставке. Предложение союзников. Соотношение сил враждующих сторон к декабрю 1916 г. План Главнокомандующих фронтами и Ставки на 1917 г. Совещание в Ставке 17—18 (30—31) декабря 1916 г. Окончательное установление плана кампании 1917 г. Предложения союзников и состояние их армий. События в феврале 1917 г.

Подготовка России к кампании 1917 года на Европейском фронте началась с сентября—декабря 1916 года под влиянием двух событий, оказавших на нее несомненное воздействие.

Я говорю о болезни начальника штаба Верховного Главнокомандующего Алексеева, который был временно заменен Гурко, и о Румынском погроме, который грозил обратиться в Балканскую эпопею с перенесением туда центра тяжести русской борьбы. Было еще третье событие,—вспыхнувшая в марте революция, которая, впрочем, сыграла значительно большую роль в исполнении кампании 1917 года, чем в подготовке к ней.

Алексеев в ноябре месяце заболел и уехал лечиться в Севастополь. Но он продолжал следить за тем, что делается в Ставке, был не безучастен к этому и, как увидим ниже, оказывал в исключительных случаях свое влияние на то или другое важное решение. Вместо Алексеева во временное исполнение должности начальника штаба вступил командовавший Особой армией, Гурко.

Этим перемены в Ставке еще не закончились. Вслед за Алексеевым ушел и его генерал-квартирмейстер Пустовойтенко, который, судя по сохранившейся в архивах переписке, не имел влияния на оперативный ход событий, ведомых единолично рукой неутомимого труженика Алексеева. Пустовойтенко был заменен Лукомским. Этот последний в отличие от своего предшественника играл, судя по той же переписке, большую оперативную роль. Трудно только пока определенно выяснить был ли он вдохновителем Гурко или же только соучастником и активным исполнителем его главных предначертаний. Во всяком случае можно с уверенностью сказать, что влияние его в этом отношении было велико.

Но и этим перемены в Ставке за время болезни Алексеева не окончились. Учредили новую должность помощника

начальника штаба, на каковую был назначен Клембовский. Впрочем, оперативное значение его в этот, по крайней мере, период было ничтожно.

Таким образом, вместо одного Алексеева оперативными делами Ставки начали ведать три лица и от этого должен был бы еще более увеличиться коллективный элемент направления в ней дел, о котором было говорено в части VI Стратег. очерка. Однако, властный характер Гурко клал известный предел такой коллективности, что совершенно отсутствовало в работе мягкого характером Алексеева. Человек с твердой волей, с большим самомнением и упорством, Гурко не останавливался перед проведением в жизнь даже таких мероприятий, против которых восставали не только все из сохранивших самостоятельность в суждениях главнокомандующие, но и общий голос армии ¹⁾.

Вопрос о Балканах выступил не сразу, а как результат продолжительного давления на Ставку со стороны союзного командования.

Впервые он был затронут в телеграмме Жоффра к своему представителю при Ставке Жанену от 6 (19) октября 1916 года ²⁾.

Жоффр находил, что совместное легнее наступление союзников явно ослабило боевые средства противника, который потерял инициативу и понес значительный ущерб. Он предполагал, что в течение предстоящей зимы враждебная нам коалиция может или использовать понижение нашей активности для образования сил к кампании 1917 года, или попытаться захватить на главных фронтах громко звучащие и близко к фронту расположенные пункты (Верден, Нанси, Двинск, Рига), или же вывести из строя Румынию.

Союзники должны были для воспрепятствования противнику выполнить какой-либо из этих планов продолжать в течении зимы давление на всех фронтах, где климатические условия это позволяют, приготавливаясь в то же время к решительным совместным наступательным операциям весной 1917 года.

В зависимости от этого ведение зимних операций рисовалось Жоффру в таком виде. На англо-французском фронте должны были продолжаться атаки на Сомме, на итальянском—атаки на Изонцо, на русском фронте операции по усмотрению нашего командования и в зависимости от климатических условий и, наконец, на Балканском полуострове

¹⁾ Эверт так характеризовал Гурко в своем письме к Алексееву от 15/1 1917 г.: „Кавалерийский налет, недостаточная продуманность и изучение дела, громадная самонадеянность и нескончаемое словозлияние“. (В. Уч. Арх. Ст. д. № 432).

²⁾ Жанен—Алексееву 6/Х № 262. Там же д. № 448.

„казалось бы, они должны состоять в производстве серьезного усилия с целью вывести Болгарию из строя и вновь открыть восточный путь“¹⁾).

Весенняя же и летняя кампании должны были состоять из согласованного наступления Западного (французского), русского и итальянского фронтов, как только атмосферические условия это позволят; на Балканском фронте предполагались согласованные действия против Болгарии, „если за зиму ее не удастся вывести из строя“²⁾; в противном же случае против Австрии. На второстепенных театрах намечались действия, достаточные для сковывания имеющихся там сил противника с незначительным расходом собственных.

В то же время Жоффр указывал на необходимость тесного соглашения между союзными главнокомандующими, чтобы иметь возможность сосредоточить все нужные средства в желаемое время в избранном месте. В 1917 году удар врагу предполагалось нанести при полном развитии и напряжении всех сил и средств союзной коалиции.

Почти одновременно с этим румынский посланник указывал³⁾ что в самой Германии в сознании народных масс господствует мысль, что лучше потерять все приобретения на Западе, чем быть отрезанными от Востока. В этом последнем случае для немцев исчезали все политические объекты для дальнейшей войны и Германия, будучи тогда отрезана от всего мира, окажется уже тем самым морально разбитой.

Через несколько дней⁴⁾ Жоффр опять поднимает интересующий его вопрос, но уже в более определенной форме. Он спрашивает, что предполагает Алексеев сделать зимой с Болгарией—нанести ли ей удар с целью совсем вывести из строя или же только нейтрализовать ее. Первое решение казалось Жоффру лучшим, тем более, что операции между Дунаем и параллелью Софии можно было бы вести и зимою.

Вслед за этим последовало новое давление на Алексеева. Жоффр сообщил⁵⁾, что итальянский главнокомандующий Кадорна соглашается на усиление войск в Салониках только при уверенности, что Алексеев имеет действительное намерение предпринять действия, могущие вывести Болгарию из строя. Жоффр просил Алексеева возможно скорее сообщить ему о своем принципиальном согласии на такую операцию против болгар, относительно необходимости которой достигнуто уже полное соглашение между всеми союзными главнокомандующими в высших интересах коалиции.

¹⁾ Перевод с французского.

²⁾ То же

³⁾ Там же, стр. 163.

⁴⁾ 21/X—3/XI № 279. Там же.

⁵⁾ 28/X—10/XI № 285. Там же.

На эти настояния Алексеев ответил уклончивым письмом от 1 (14) ноября ¹⁾, в котором указывал на меры, принимаемые Россией для спасения румын, при чем после выполнения этой очередной задачи он считал возможным перейти и к рассмотрению Балканского вопроса в более широком объеме.

Алексеев полагал, что военные и политические соображения заставляют нас сжать кольцо вокруг противника именно на Балканах и русские готовы будут выставить сильную армию на этом важнейшем для данного фазиса великой борьбы театре. Задача эта, по словам автора письма, главным образом ляжет на русских, так как убедить румын в важности удара против болгар будет более чем трудно.

Борьба на Балканах угрожала, как писал Алексеев, жизненному для немцев направлению, их сообщениям с Константинополем и Малой Азией, которые с утратой германских колоний приобретали для них значение рынков исключительной важности. Поэтому нельзя считать, что союзники будут наносить удар только болгарам. Удар направлялся бы в самую чувствительную точку для Германии и на защиту Балкан были бы привлечены значительные германские силы.

Поэтому, кончал Алексеев, мы должны, решаясь на Балканскую операцию, взвесить условия борьбы и назначить силы, достаточные для достижения цели и для доведения операции до конца. Без этого не следует ее и начинать.

Но такой весьма, впрочем, условный ответ Алексеева был, как увидим из приводимого ниже документа, понят союзниками иначе.

2 (15) ноября совещание во французской Главной Квартире приняло решение, которое должно было лечь в основу действий союзников в кампанию 1917 года. В кратких чертах оно сводилось к следующему ²⁾:

Союзные армии должны подготовить к весне 1917 года совместные и согласованные наступательные операции, которые имели бы целью придать кампании этого года решающий характер.

Впредь же, в целях воспрепятствования противнику вернуть себе инициативу действий, в течение зимы должны продолжаться уже начатые наступательные операции в том раз-
мере, который допускается климатическими условиями отдельных фронтов. Кроме того, к первой половине февраля должны быть подготовлены совместные наступательные действия теми силами и средствами, которыми к тому времени будут располагать союзные армии.

¹⁾ № 5993 В. Уч. Арх. д. Ставки № 448.

²⁾ Телеграмма Жоффра, переправ. Жаненом 7 (20), XI № 295. Перев. с французск. Там же.